

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЫСОЦКОГО

Портрет-коллаж на фоне времени

Я, конечно, вернусь, —
весь в друзьях
и мечтах,
Я, конечно, спую —
не пройдет
и полгода...

А может быть, действительно, не прошло и полгода — между двумя высокими годами: июлем 1980-го и январем 1988-го? Ведь не подсчитано, энергию скольких световых лет вбирает каждый сегодняшний день.

Возвращаются все,
кроме лучших друзей,
кроме самых любимых
и преданных женщин,
Возвращаются все,
кроме тех, кто
нужней...

Да, своя правда и своя житейская горечь в этом есть. Но, собственно, этот хриплый, рвущийся к небу голос на старой рвущейся пленке (уже ей больше двадцати лет, а эта круглая бобина — сейчас таких и не выпускают — похожа на колесо первого советского автомобиля, рвущегося на испытания по бездорожью), этот голос от нас никуда и не ушел.

Есть песни, сопровождающие нас, кажется, с незапамятных времен, со школьных и студенческих лет: «Я — «ЯК» — истребитель», «Я скачу, но я скачу иначе» (тогда у них не было названий, как сейчас на новеньких пластинках, и минуты, и секунды — песни или жизни? — еще не были подсчитаны); «Человек за бортом», «Разведка боем»: «Кажется, чего-то удостоен, награжден и назван молодцом...».

Люди, которые нам чем-то близки, независимо от того, современники это или предшественники, в нашем сознании похожи на двойные звезды: в их смерть поверить невозможно — хотя она была, мы даже помним, как это было, — и в то же время они, эти люди, естественно, продолжают быть рядом, словно небо над головой, мы слышим их голоса (а самое мучительное — когда голоса и лица забываются), мы думаем и говорим о них, как о живых.

«Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и мечтах...».

Время обновления — это всегда и время возвращения. Что же нам возвращается или уже возвращено? Очень многое. Память. История. Чувство национального самосознания. Чувство личности. Имена: Пастернак, Платонов, Шагал. Да что там — возвращаются целые города! Вы читали январские газеты от сего года? Так внимательно прочтите еще раз:

«Возвращение Набережных Челнов».

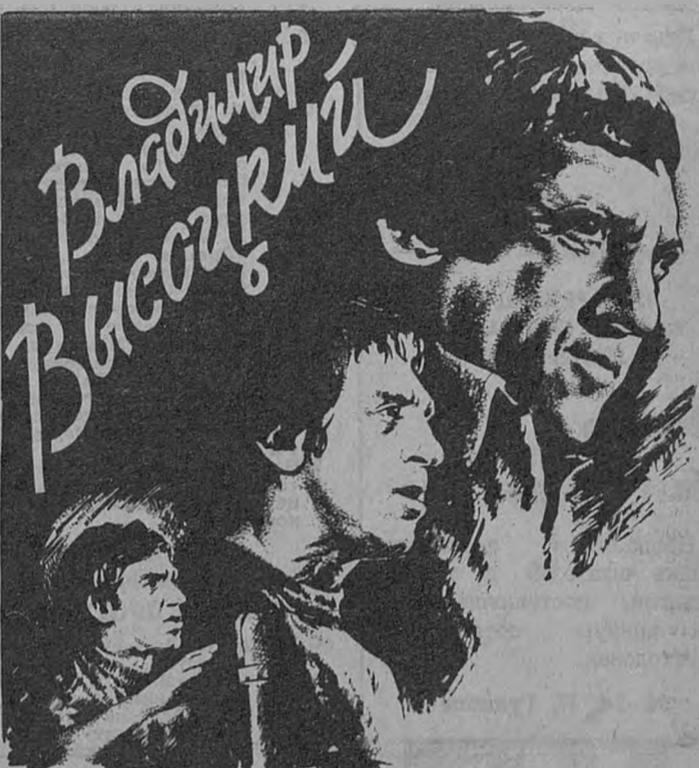
Поступило сообщение: вернулись Набережные Челны. Они не забывались, просто с 1982 года они бытовали в памяти людей под именем города Брежнева. Вернулись также московские Черемушки...

Вернулись на свое прежнее законное место. Ведь новое имя садилось на славное и любимое и уже занятое место на карте — Набережные Челны».

Поучительный урок истории с географией — и для нас, современников, и для потомков наших: нельзя садиться на чужое место — так же, как и сводить на нет другие имена. Набережные Челны? Постойте, да ведь это тот самый город, по которому однажды от самой пристани целый километр шел человек, всегда живший под своим собственным именем — и в быту, и после смерти — который всегда был только самим собой (не больше, но и не меньше!), и навстречу которому из каждого окна, из каждого подъезда несся его собственный хриплый голос! Его имя точно, как военного самолет, «село» на магнитофонные пленки, на магнитную ленту человеческой любви и памяти, на которой все, как в жизни, все вперемешку: смех, горечь с шуткой пополам, диалог, реплика, тишина, аплодисменты — нет, не те, — не «переходящие», а быстрые и шумные, как летние дожди, — и снова голос, смех, тишина. Отсюда — мораль: как важно (и в жизни, и в истории) сесте на свое, а не чужое место. Чтоб не пришлось потом освобождать — ни при жизни, ни после смерти:

Руками ешьте даже суп,
но с музыкой —
беда такая!
Чтоб вам не оторвало
рук,
Не трожьте музыку
руками.

Правила поведения за столом. Составлен поэтом Андреем Вознесенским для лю-

дей с хорошим аппетитом еще в 1971 году. Тогда же (17 лет назад!) тем же автором был написан «Реквием оптимистический» за упокой Владимира Высоцкого — а он, ничего, жил! — и были сказаны эти строки: «О златоустом блатаре Рыдай, Россия. Какое время на дворе — таков мессия».

Примечание: мессия — это не тот, который говорит красиво — это тот, который говорит вовремя. И говорит «до».

Поражаешься: сколько же всего сидело в этом человеке! «Лошадиная» работа Владимира Высоцкого (больше 400 песен, около 30 ролей в кино) заключалась не только во внешнем бешеном сюжете его жизни, донельзя закрученном — театр — съемки — поезда — корабли — самолеты — стадионы, — а в том, что он умел, успевал уходить от себя самого — уже найденного, спетого, популярного.

О златоустом блатаре... Есть люди, которые и поныне, никогда не слушав толком Высоцкого, пребывают в убеждении, что его песни — «для блатных» или «для тех самых волосатых, которых сегодня выпустили на зран и которые друг другу морды бьют». В первых, стоит вспомнить ту публику, которая слушала Высоцкого — и с какими лицами... Ну, а во-вторых... Да, блатные Ниини и убогие в своих мечтах Зинки («Давай поведем в Еривань — поведем, Вань!»), Большая Каретная, кореша и оперы — все это, как говорится, имело место (и имеет — в живой жизни). Но есть еще летчики, подводники, разведчики и та самая матушка-пехота, которая вытянула на себе всю войну, и неслучайно в одном из фильмов песни Высоцкого «Мы вращаем землю» живет вместе с кадрами военной хроники: солдаты идут почти по колено в вязкой и жирной грязи, волокут на себе пушку, тащат на себе застрявшую в этой грязи бедолагу-лошадь, бредут по пояс в воде с автоматами на поднятых руках — да, вот кто вращает землю, в этом Высоцкий был убежден. «Военные песни» Высоцкого — поразительный феномен: их горечь, юмор, товарищество, жесткая правда достоверны, как кадры хроники. Жесткая, честная песня о погибшем друге-летчике («Он садился на брюхо — но не ползал на нем!»), невольная вина оставшегося в живых («Извините, что цел») переключаются со стихами Твардовского. И никакой флатары, самый златоустый, не написал бы «Белый вальс» — для этого нужно обладать высокой «киношной» и не только киношной культурой: нужно не только знать, но и понимать, что означала для России, для ее духовной истории русская женщина («Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь...»), начиная от жен денатристов и кончая теми обычными женщинами, далеко не дворянского происхождения, которые, как бурлачки (а были и такие на Руси!), вытаскивали на себе все: и 37-й, и 41-й, и 49-й, и тяжесть невзгод, и горечь потерь: их вечная любовь и умение ждать («Вен будут ждать тебя — и с моря, и с небес»), спасло многих из забвения и неверия...

Нелишне помнить о том, что Высоцкий многозначен, как многозначна жизнь.

Наши мертвые нас
не оставят в беде,
Наши павшие —
как часовые...

«Не тот ли вы Владимир Высоцкий, с которым я выходил из окружения под Оршей?».

Тот самый. С ним — и другими, названными и не наз-

ванными, чувствуя свое с ним особое, не поддающееся статистике братство (Шукшин, Распутин, Астафьев, Трифонов, Айтматов) — мы выходили из окружения, чувствуя локоть друг друга — в эпоху локтей, зубов и мускулов, отпихивающих и пробиравшихся наверх, к самому пирогу, под солнце медалей и прочих ослепляющих глаз наград, чудом умещающихся на одной могучей груди.

Если разбирать феномен Высоцкого по составляющим, мы ничего не поймем. Поэт? Но поэтов в стране немало, да и стихи его на бумаге нам известны «не теми» — пока мы не «подключаем» к ним мысленно голос Высоцкого. Композитор? Смешно всерьез говорить об этом — так же, как о композиторстве Окуджавы: есть мелодии повторяющиеся, да и сам Высоцкий этого не срывал. Актер? Но мало ли в стране талантливых актеров?

«В чем же феномен Высоцкого? Почему он сегодня нам нужен и чем он был уж так страшен «иньязам?»

Феномен Высоцкого — в личности. Личность спланила воедино голос, жест, слово, талант, умение жить и работать на износ, а еще — умение говорить с каждым лично, вытаскивая каждого из вязкой грязи, как солдатики в хронике вытаскивают пушку. Песни Высоцкого были подобны разбегающейся Галактике — от окна обычной квартиры до каюты космического корабля (космонавты всегда берут с собой Высоцкого), от обычной скамейки в каком-нибудь селе, где «крутят Высоцкого» при скоплении народа, — до многотысячных стадионов, «своих» и зарубежных. Вето личности Высоцкого лежит на всем, что им сделано, и мы убеждены, что никто, даже из лучших побуждений, не имеет права петь его песни, читать его стихи, играть «дальше» капитана Жеглова — только Высоцкий! За это право заплачено жизнью. Как говорил капитан Жеглов своему напарнику? «Держи меня... нежно!». Мы так и делаем.

«Здравствуй, Володя! После того, как тебя ранило осколком мины, я воевал еще год».

Здравствуйте, Владимир Семенович! Здравствуйте — хотя год и високовский: вам известно, что за все надо платить — и за лишней световой день тоже. Возможно, это и есть день вашего рождения. После того, как вас смертельно ранило, мы, племянники ваши, воевали еще целых семь лет. Вас сегодня очень не хватает — даже слышишь эти ненаписанные песни. Есть же планета Влад. Высоцкий, с солидной жилой площадью — но ведь она там и чьему: ваше место — здесь. А место встречи изменить нельзя!

«Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и мечтах...». Время, в которое мы живем, — это время возвращений. Возвращений истинных имен — городам и людям. Исторической памяти. Собственного достоинства каждому. Права на личность. В сегодняшнем шуме мелькает разное. В этом многоголосье имен, возвращенных и возвращающихся, навсегда останется хриплый голос со старой магнитофонной ленты вот на этих катушках-колесах, похожих на колесо первого автомобиля, крало ринувшегося на испытания по бездорожью.

Останется это имя: Владимир Высоцкий.

Человек, который всегда был только сам-то вместе с другими — вывел нас из окружения.

Н. АЙРАПЕТОВА.